

И.Н. Максимович

**Речь об уголовных
наказаниях в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
И11

И11 **И.Н. Максимович**
Речь об уголовных наказаниях в России / И.Н. Максимович – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 263 с.

ISBN 978-5-518-06774-5

ISBN 978-5-518-06774-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. Понятіе наказанія въ смыслъ юридическомъ. — Справедливость и необходимость онаго. — Разныя степени развитія наказанія на разныхъ степеняхъ общежитія. — Обозначеніе предмета подлежащаго изслѣдованія и раздѣленіе его.

Литтература. Графа М. М. Сперанскаго: «Руководство къ познанію законовъ». Спб. 1845. Сюда относятся первыя пять главъ: с. 1—45. — К. А. Неволіна: «Энциклопедія Законовѣденія». Кіевъ. 1839. Преимущественно см. §§ 13 — 25; 28, 33, 34, 79 и 84. Сравни §§ 513—521, заключающіе ученіе Гегеля о правѣ.

Связь между преступленіемъ и наказаніемъ.

§ 1.

Преступленіе и наказаніе находятся между собою въ такой тѣсной связи, какую видимъ между причиною и ея прямымъ, необходимымъ послѣдствіемъ: послѣднее безъ первой быть не можетъ. Почему, излагая понятіе и значеніе наказанія въ юридическомъ смыслѣ, необходимо предварительно коснуться существа самаго преступленія.

Существо преступленія.

§ 2.

Краеугольный камень, на которомъ зиждется и держится общежитіе людей, есть правда или справедливость. Въ понятіи справедливости заключается: 1) опредѣленіе качества нравственныхъ дѣяній нашихъ, т. е. указаніе того, добры ли они нравственно или нравственно злы; 2) распредѣленіе возмездія по степени содѣяннаго нами добра или зла, т. е. распредѣленіе наградъ и наказаній. Начало справедливости положено Богомъ въ самомъ существѣ нашемъ: это наша *совѣсть*. Совѣсть наша сознаетъ и утверждаетъ, что дѣявія наши добры, когда они способствуютъ кореннымъ союзамъ, въ которыхъ человѣкъ долженъ пребывать, — если онъ не хочетъ отказаться отъ человѣческаго достоинства и сдѣлаться извергомъ своего рода, — то есть союзу его съ Богомъ,

съ своими ближними и съ самимъ собою, или, правильнѣе, съ своею совѣстію, и когда они укрѣпляютъ эти союзы. Дѣянiя наши злы, когда они нарушаютъ эти союзы и ослабляютъ ихъ. Нравственно добрыя дѣянiя наши во всякомъ изъ означенныхъ союзовъ разширяютъ сферу собственнаго нашего блага: это — награда за наши заслуги, напротивъ нравственно злыя дѣянiя наши ограничиваютъ и даже могутъ уничтожить сферу нашего блага: это — наказанiе за наши вины. Но совѣсть сама по себѣ, какъ нѣчто личное (субъективное) и слѣдовательно ни мало не уничтожающее нашей свободы дѣлать добро или зло, не составляетъ еще твердой опоры для общежитiя; ибо каждый человѣкъ, при нравственномъ поврежденiи своей природы, находится въ непрерывной борьбѣ съ самимъ собою: духъ его сознаетъ доброе и находитъ удовольствiе въ требованiяхъ справедливости и желаетъ слѣдовать имъ; но въ то же время ощущаетъ онъ въ своей плоти и крови другой законъ, влекущій его къ злу, противоборствующій закону ума его и дѣлающій сго плѣнникомъ и рабомъ зла и страстей своихъ *). Слѣдовательно совѣсть сама требуетъ еще укрѣпленiя, и если человѣкъ захочетъ, то можетъ его находить какъ внутри себя—въ религiи, такъ и внѣ себя—въ общежительномъ законодательствѣ, проистекающемъ отъ Верховной законодательной власти. Эти двѣ силы, двѣ высшiя въ обществѣ власти (разумiю религiю и законодательство), выражая собою тѣ же требованiя правды, что и совѣсть, но только выражая ихъ уже во внѣшности, въ установленiи внѣшняго общаго нравственнаго порядка (т. е. Церкви и гражданскихъ союзовъ или государствъ), составляютъ твердый оплотъ жизни общественной.

Свободныя наши дѣянiя, по самому понятiю о свободѣ, ихъ источникъ, могутъ быть или согласны съ требованiемъ общаго закона, или могутъ ему противорѣчить и отвергать его требованiе, противопоставляя ему особенный произволъ дѣйствующаго. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ отрицанiе общаго права, или

*) Римъ 7, 19—23.

неправда, несправедливость. Несправедливость бывает двоякая: а) ошибочная, или безсознательная, и б) сознаваемая, или намеренная.

Примѣромъ перваго рода несправедливости могутъ служить случаи, когда каждое изъ двухъ лицъ, или двухъ противныхъ сторонъ, присвоиваетъ себѣ извѣстное право на вещи или на дѣйствія другихъ, представляя на то особенныя причины или доказательства. Здѣсь начала правды признаются тою и другою стороною. Споръ или сомнѣніе состоитъ только въ томъ, которой изъ двухъ сторонъ, оспаривающихъ другъ друга, дѣйствительно принадлежитъ право, и которая изъ нихъ ошибочно присвоиваетъ себѣ оное. Это—несправедливость ошибочная, невинная, имѣющая своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе ошибочнаго притязанія и вознагражденіе правой стороны за понесенные ею чрезъ то убытки. Здѣсь нѣтъ еще мѣста наказанію. Это предметъ законовъ гражданскихъ.

Несправедливость, причиняемая сознательно или намеренно, обнаруживается въ двоякой формѣ: 1) подъ видомъ обмана или подлога, и 2) подъ видомъ насильственного оскорбленія или нарушенія права. Въ первомъ случаѣ законъ признается еще (хотя впрочемъ по одной наружности) за правило для частной воли, но подъ формою законности дѣянія скрывается уже несправедливость, сознаваемая виновникомъ ея, несправедливость намеренная, обдуманная и подготовленная напередъ; такъ что правда существуетъ здѣсь только по наружности, по виду, или въ обманутомъ мнѣніи тѣхъ лицъ, для которыхъ обманъ или подлогъ былъ подготовленъ. Обманъ или подлогъ есть маска справедливости, подъ которою сокрыта явная несправедливость; но при подлогѣ предполагается еще хотя нѣкоторое уваженіе къ закону. Во второмъ случаѣ, то есть, въ насиліи, нѣтъ и этого призрака правды: здѣсь неправда является безъ маски, безъ покрова. Насильственное нарушеніе права есть такое обнаруженіе частной свободы, которое уничтожаетъ законную свободу другихъ лицъ безъ всякаго посредства ихъ воли, какое замѣтили мы выше въ обманѣ. Здѣсь открывается совершенное пренебреженіе къ правдѣ, къ закону. — Дѣяніе, об-

наруживающееся подъ тѣмъ или другимъ изъ двухъ означенныхъ здѣсь видовъ несправедливости для нарушенія какихъ либо правъ, есть преступленіе, составляющее предметъ законовъ о наказаніяхъ.

Преступленіе въ существѣ своемъ есть дѣяніе, противорѣчащее самому себѣ, уничтожающее само себя. Это объясняется тѣмъ, что каждый видъ права не долженъ быть въ противорѣчіи съ своимъ цѣлымъ, напр. если мнѣ принадлежитъ право собственности на извѣстную вещь, то по отношенію къ этой самой вещи на всякомъ другомъ лицѣ лежитъ обязанность не присвоивать ея себѣ безъ моей воли или согласія; но въ преступленіи преступникъ самовольно установляетъ для себя такое право, которое противорѣчитъ правамъ другихъ лицъ, уничтожаетъ эти права, напр. право убивать другихъ лицъ, похищать у другихъ и т. п. А какъ противорѣчіе это заключается не въ правахъ другихъ, но въ произволѣ преступника; то оно можетъ и должно быть уничтожено не иначе, какъ уничтоженіемъ этой особенности въ волѣ преступника, уничтоженіемъ его произвола, чрезъ обращеніе произвольнаго его дѣянія на него самаго по закону возмездія, т. е. принявъ установленное преступникомъ право за дѣйствительное и дѣйствуя по этому же праву противъ него самаго. Такимъ обращеніемъ дѣянія преступника на него самаго не только уничтожается противорѣчіе въ области правъ, но и утверждается законъ, опредѣляющій нарушенное преступникомъ право *). И такъ преступленіе, какъ особенная ничтожная воля, заключаетъ въ самомъ себѣ и наказаніе, т. е. уничтоженіе преступной воли въ силу собственного ея же права. Отсюда открывается, что

*) Уничтожается противорѣчіе въ области правъ: ибо чрезъ обращеніе дѣянія преступника на него самаго, подъ видомъ наказанія, уничтожается противорѣчащая общему праву собственность воли преступника; утверждается законъ, опредѣляющій нарушенное право: ибо наказаніе, или обращеніе дѣянія преступника на его же голову, уничтожая противорѣчіе въ области правъ, тѣмъ самымъ утверждаетъ силу закона, нарушеннаго этимъ противорѣчіемъ.

§ 3.

Существо наказанія въ юридическомъ смыслѣ есть *возмездіе*, или воздаяніе, равное преступленію, т. е. лишеніе преступника принадлежащихъ ему правъ въ количествѣ, равномъ количеству имъ самимъ нарушенныхъ правъ чрезъ преступленіе. Основаніе возмездія заключается въ понятіи справедливости (какъ выше было замѣчено), какъ началъ тождества. Впрочемъ тождество это не должно быть внѣшнее, видовое, или равенство воздаянія съ преступленіемъ по качеству ихъ (*jus talionis*, т. е. око за око, зубъ за зубъ, смерть за смерть и т. д.); оно должно быть внутреннее или существенное, состоящее въ равномъ количествѣ наказанія съ преступленіемъ по ихъ тягости, т. е. по внутреннему ихъ достоинству или цѣнѣ. Достоинство или цѣна вещи принимается въ соображеніе даже въ сдѣлкахъ по имуществамъ, отличающихся характеромъ единичности, особенности, такъ сказать непосредственности, тѣмъ болѣе оно должно имѣть мѣсто въ законахъ уголовныхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ преступленіе, или нарушеніе всеобщихъ и вѣчныхъ началъ правды.

§ 4.

Наказаніе, въ опредѣленномъ нами смыслѣ, есть дѣйствіе справедливое и вмѣстѣ необходимое. Оно справедливо: а) само въ себѣ, какъ требованіе правды, по которому каждый долженъ получить свое, слѣдовательно и преступникъ долженъ самъ потерпѣть то, что онъ приготовилъ для другихъ и чему подвергнулъ ихъ; б) по отношенію къ правамъ преступника: онъ признается существомъ разумнымъ и потому его образъ дѣйствія признается закономъ для него самаго; уничтоженіе законной свободы другихъ есть право, признаваемое преступникомъ, право, которому онъ слѣдуетъ въ своей преступной дѣятельности: при-мѣняя это право преступника къ нему самому, нѣтъ несправедливости, на основаніи онаго, уничтожить собственную его преступную свободу. Необходимость наказанія открывается изъ тѣхъ

же самыхъ началъ, что и справедливость онаго, именно, оно необходимо: а) само въ себѣ, какъ уничтоженіе противорѣчія въ области правъ, слѣдовательно какъ утверженіе (*sanctio*) того или другаго закона, опредѣляющаго то или другое право, и потому оно составляетъ собою необходимую и существенную сторону того же закона, обращенную противъ его нарушителя; б) по отношенію къ преступнику составляетъ оно непремѣнную его обязанность: онъ долженъ подвергнуться наказанію, какъ прямому и непремѣнному слѣдствію прежней рѣшимости его собственной воли, обнаруженной въ преступленіи, или, что то же, слѣдствіи прежней его разумно-свободной дѣятельности.

§ 5.

Такое справедливое и вмѣстѣ необходимое наказаніе возможно только въ обществѣ, достигшемъ полнѣйшаго и совершеннѣйшаго своего развитія, то есть, въ государствѣ. Пока люди живутъ отдѣльными семействами или даже въ союзѣ родовомъ, до тѣхъ поръ дѣйствуетъ между ними частная воля или произволъ: наказаніе является здѣсь подъ формою частной мести. Съ переходомъ человѣчества на вторую степень общежитія, то есть когда отдѣльные роды соединятся въ одинъ составъ общества гражданскаго, частный произволъ ограничивается общими интересами и система наказаній видоизмѣняется сообразно разнымъ отношеніямъ политическимъ, разнымъ цѣлямъ общественнымъ; но эти интересы, эти разнообразныя цѣли увлекаютъ власть общественную въ одну какую либо сторону; въ слѣдствіе чего и наказаніе является здѣсь не безкорыстнымъ требованіемъ правды, а средствомъ, приспособленнымъ къ достиженію той или другой цѣли, напр. устрашенія, самосохраненія общества и т. п. Въ государствѣ мѣсто обиженнаго заступаетъ всеобщее, то есть законъ, олицетворенный въ *судебныхъ установленіяхъ*. Судъ принимаетъ на себя преслѣдованіе преступленій, отъ чего преслѣдованіе это, переставая быть случайнымъ, частнымъ мщеніемъ, нерѣдко преступающимъ предѣлы справедливости, принимаетъ видъ

наказанія въ смыслъ юридическомъ, то есть, наказанія законнаго или справедливаго и вмѣстѣ неизбежнаго. Въ этомъ послѣднемъ своемъ видѣ наказаніе дѣлается дѣйствительнымъ примиреніемъ права съ самимъ собою какъ въ *субъективномъ* отношеніи, уравнивая права сторонъ; такъ и въ *объективномъ* отношеніи, возстановляя нарушенный чрезъ преступленіе законъ въ прежнюю его силу, укрѣпляя его и охраняя.

§ 6.

Означеннымъ здѣсь понятіемъ о наказаніи въ смыслъ юридическомъ легко опредѣляется самый предметъ нашего историческаго изслѣдованія уголовныхъ наказаній въ Россіи. 1. Наказаніе въ смыслъ юридическомъ должно быть равно преступленію по ихъ тяжести. А преступленія бываютъ тяжкія или уголовныя, угрожающія опасности жизни или *существованію личному* государства, олицетворяемаго властями и установленіями, цѣлаго общества, или гражданъ, и частныхъ лицъ порознь, или же угрожающія опасностію для моральнаго ихъ существованія.

Охраненіемъ безопасности личной и моральной служатъ *уголовныя наказанія*, названныя такъ потому, что чрезъ нихъ преступникъ самъ теряетъ жизнь или бытіе гражданское. Кромѣ того бываютъ еще преступленія болѣе или менѣ легкія, не заключающія въ себѣ опасности ни для жизни личной, или физической, ни для жизни моральной. Для противодѣйствія имъ установлены наказанія исправительныя. Что предметъ нашего изслѣдованія составляютъ наказанія только перваго рода: это показываетъ уже самое заглавіе изслѣдованія. 2. Наказаніе становится въ строгомъ смыслѣ *законнымъ*, или юридическимъ, только со времени уничтоженія частной мести и замѣняющихъ ее выкуповъ: на этомъ основаніи существовавшіе въ Россіи частная месть и разные виды выкуповъ, или денежной платы за голову, не войдутъ въ число главныхъ предметовъ этого изслѣдованія; краткій очеркъ ихъ представленъ будетъ въ слѣдующемъ общемъ обозрѣніи развитія началъ охранительныхъ нашихъ законовъ.

Самое историческое изслѣдованіе уголовныхъ наказаній въ Россіи (т. е. главныхъ предмстовъ сочиненія), раздѣлено мною на три отдѣла: первый изъ нихъ заключаетъ исторію постановленій о смертной казни; второй—исторію постановленій о разныхъ видахъ гражданской смерти; наконецъ третій—систему уголовныхъ наказаній по Уложенію о Наказаніяхъ 1845 года Августа 15 дня.

II. Краткое обзорѣніе исторіи государственныхъ охранительныхъ законовъ въ Россіи.

Литтература. »Краткое обзорѣніе хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ«. Спб. 1846. Отд. I. с. 3—35. — Профессора *Тобина*: »Взглядъ на основныя начала Русскаго уголовного законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года«. Отпеч. въ Журн. Минист. Народн. Просв. за 1847 годъ. Ч. LIV. Отд. II. с. 165—192.

§ 7.

Разсматривая внимательно памятники отечественнаго законодательства, мы не можемъ не замѣтить, что въ жизни Славяно-Русскаго народа, на разныхъ степеняхъ его общежитія, наказаніе являлось въ трехъ различныхъ видахъ, или системахъ. Древнѣйшую систему наказаній въ Россіи составляли *частная месть* за преступленіе и нанесенное оскорбленіе, и *плата вознагражденія*, или выкупъ за оставленіе мести; слѣдующую за нею систему наказаній составляли смертная казнь и тяжкія тѣлесныя наказанія; она можетъ быть названа системою устрашенія или публичной мести; наконецъ третью систему составляютъ наказанія юридическія въ тѣсномъ значеніи этого слова, выражающія собою стремленіе преступника *безвреднымъ, нравственно лучшимъ* и для государства *полезнымъ*.

Согласно преобладанію первой, второй или третьей системы наказаній въ нашемъ законодательствѣ въ извѣстное время, исторію нашихъ охранительныхъ законовъ должно раздѣлить на три періода, изъ коихъ первые два принадлежатъ древней исторіи Россіи, а третій новой ея исторіи. Они суть:

Періодъ 1-й начинается древнѣйшими временами и простирается до возшествія на престолъ Московскій въ 1462 году Іоанна III, основавшаго единодержавіе въ Россіи и освободившаго ее изъ-подъ владычества Татаръ. Преобладающія наказанія въ этомъ періодѣ: частная месть и разные виды выкуповъ отъ оной.

Періодъ 2-й продолжается до начала новой исторіи Россіи, т. е. до начала самостоятельнаго царствованія въ 1689 году Петра Великаго. Преобладающія наказанія въ этомъ періодѣ смертная казнь и кнутъ

Періодъ 3-й продолжается еще и въ наше время. Преобладающія наказанія въ этомъ періодѣ изъ уголовныхъ: разные виды гражданской смерти; изъ исправительныхъ: заключеніе—для высшаго и средняго класса людей; исправительныя работы и наказаніе розгами—для простаго народа.

Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ постараемся обозначить въ краткихъ, но по возможности точныхъ положеніяхъ главныя, общія основанія Русскихъ государственныхъ охранительныхъ законовъ, именно: I. Опредѣленіе, а при недостаткѣ его, родовое названіе, классификацію и объемъ видовъ преступленія. II. Степени вины, обстоятельства, по коимъ отмѣняется наказаніе, и обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину. III. Систему наказаній. IV. Судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ. V. Косвенныя (непрямые) мѣры къ уменьшенію или предупрежденію преступленій.

§ 8.

Періодъ 1-й дѣлится на два отдѣла: чертою, отдѣляющею одинъ отдѣлъ отъ другаго, есть введеніе въ 988 году Христіанской Православной вѣры въ Россіи.

§ 9.

Въ 1-мъ отдѣлѣ древнѣйшее законодательство наше развивалось единственно изъ народныхъ нравовъ и обычаевъ Славянъ и

Руссовъ. Оно сохранилось для насъ въ договорахъ Руссовъ съ Греками и древнѣйшей Русской Правдѣ. I. Въ этихъ древнѣйшихъ источникахъ законодательства не было и не могло быть не только опредѣленія того, что должно признавать преступленіемъ, но не было даже общаго родоваго наименованія преступныхъ дѣяній. Кругъ преступленій ограничивался важнѣйшими и обыкновеннѣйшими преступленіями противъ частныхъ лицъ: *убійствомъ, увѣчьемъ, обидами личными и нарушеніемъ права собственности*. О преступленіяхъ противъ вѣры и государства, объ обманѣ и подлогѣ, о преступленіяхъ плотскихъ не говорится на слова. II. Не обращается никакого вниманія на *намыреніе, неосторожность* и *случайность* дѣяній. III. Система наказаній заключалась въ возмездіи за сдѣланное зло, то есть въ частной, кровной мести, или же въ денежной платѣ за освобожденіе себя отъ мести. IV. Судопроизводство такъ же было частное. Полобовное соглашеніе тяжущихся составляло общее правило при разборѣ споровъ, и только въ совершенно сомнительныхъ случаяхъ, напр. при заирательствѣ одной стороны судили 12 посредниковъ, избираемыхъ тяжущимися. Со времени же призванія Варяго-Русскихъ Князей, В. Князь былъ не только высшимъ, но по большей части и единственнымъ судьей. Если жалоба была подкрѣпляема хотя слѣдами преступленія, напр. знаками побоевъ, то обвинителю вѣрили безусловно и не было нужды ни въ присягѣ, ни въ свидѣтеляхъ, хотя эти доказательства были извѣстны еще древнѣйшей Русской Правдѣ. V. Косвенныя мѣры противъ преступленій, какъ происходящія непосредственно отъ власти законодательной, не были еще извѣстны древнѣйшей Русской Правдѣ.

§ 10.

Во 2-мъ отдѣлѣ этого періода значительное вліяніе на развитіе нашего уголовного законодательства имѣли Грекоримскіе законы и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые вошли въ составъ церковныхъ законовъ, и вмѣстѣ съ ними получили силу дѣйствующаго закона и у насъ въ судахъ церковныхъ. По связи